

Содержание

Введение	5
1. Горошек и неолитическая революция	15
2. Чечевица и Ветхий Завет	25
3. Садовые бобы и греческая философия	35
4. Садовые бобы и Каролингское возрождение	45
5. Соевые бобы и Китайская империя	53
6. Фасоль обыкновенная и доколумбова Америка	63
7. Какао-бобы и колониальные плантации	71
8. Арахис и Голландская Ост-Индия	79
9. Кофейные зерна и идеалы эпохи Просвещения	87
10. Консервированная фасоль и промышленная революция	97
11. Черноглазая фасоль и борьба афроамериканцев за равноправие	105
12. Нут и самый спорный регион на планете	115
13. Люпин и конец света	129
Благодарности	139
Источники	141

Введение

Перед вами книга о бобах и истории. Нет, она не об истории бобов — скорее уж об истории мира через призму бобовых культур. Нет, это не настолько притянута за уши, как может показаться на первый взгляд.

Еда — базовая потребность человека. Наши предки то кочевали в поисках пропитания, то, наоборот, решали где-то осесть, а то и вовсе срывались с насиженного места в поисках счастья на недавно открытых неизведанных землях. Когда людям или их детям угрожал голод, они легко затевали ссоры с соседями, а в худшем случае — развязывали войны.

С течением времени социальная структура общества усложнялась. Началась узкая специализация: каждому хотелось зарабатывать больше, жить лучше, питаться вкуснее. Если взглянуть с этой стороны, именно продовольствие часто становилось толчком для появления новых социальных институтов и развития промышленности, а также

служило причиной войн, территориального соперничества, экономической и военной экспансии.

История как таковая начинается с того момента, когда наши предки научились записывать события. Именно это официально отделяет «доисторический» период от «исторического».

Это произошло где-то между 3500 и 3100 гг. до н.э., когда в Месопотамии появилась клинопись. За созданием первой письменности стояли не слишком-то романтические причины: изначально, в первые столетия, клинопись использовали в основном для ведения экономических архивов и записей о торговых сделках. И нередко речь шла о продаже и покупке продовольствия.

Впрочем, записи были нужны и для другого — чтобы держать общество в узде. Проще говоря, чтобы все знали, что можно, а что нельзя, нужны законы и правила. В письменном виде. Один из древнейших и самых известных сводов законов — кодекс вавилонского царя Хаммурапи (1792–1750 до н.э.). Хотя, конечно, это скорее список преступлений и полагающихся за них наказаний, чем кодекс в современном понимании. Большая часть статей посвящена классовым различиям, долгам, воровству и мошенничеству. А когда речь заходит о товарах, то в качестве примеров чаще всего упоминаются скот или продовольствие. Например, в статье 108: «Если корчемница (в уплату)

за сикеру* зерно не принимает, но гирей, большей (установленного веса) серебро принимает или обменный эквивалент сикеры по отношению к зерну уменьшает, эту корчемницу должны уличить и в воду ее должны бросить»**. Или статья 237: «Если человек корабль и корабельщика нанял и зерном, шерстью, маслом, финиками или каким-либо иным грузом загрузил, а этот корабельщик был небрежен и потопил корабль и то, что (было) в нем, корабельщик и все, что он в нем погубил, должен возместить».

То, насколько значительную роль играла еда в истории человечества, отразилось и в языке. Итальянское слово *salami* (салями), испанское *salsa* (соус), французское *salade* (салат) — все они происходят от латинского *sal*, что значит «соль». А соль, между прочим, была фундаментом Римской империи: в те времена засолка была единственным способом сохранить продукты, и без соли просто не смогли бы существовать ни большие города, ни многочисленные армии. Первая крупная римская дорога на Апеннинском

* Сікера (др.-греч. σίκερα) — устаревший термин для обозначения любого опьяняющего напитка, кроме виноградного вина. В разных культурах сикера соответствовала пиву, медовухе, сидру и т.д.

** Пер. В. Якобсона (История Древнего Востока. Тексты и документы. — М.: Высшая школа, 2002).

полуострове так и называлась — *Via Salaria*, Соляная дорога: по ней перевозили соль. Во многих европейских языках есть слова, связанные с латинским *salarium* (жалованье), которое тоже было образовано от слова «соль», — потому что, как гласит одна из этимологических легенд, римским легионерам якобы выдавали пособие для покупки соли или специальную надбавку к жалованью.

На протяжении всей истории велись бесконечные войны за владение территориями, где добывалась соль: будучи средством консервации, она веками оставалась залогом процветания. Так продолжалось до начала XIX века, пока не изобрели консервы: сам Наполеон Бонапарт пообещал 12 тысяч франков тому, кто придумает способ сохранять еду при транспортировке на большие расстояния (об этом я расскажу в главе 10).

От еды вообще до бобовых в частности — один небольшой шаг. У них сейчас, прямо скажем, не слишком-то романтический образ. Да и не только сейчас. Отчасти, конечно, из-за того, что от бобов пучит (за подробностями — в главу 3). Но главное — бобы с незапамятных времен считаются пищей бедняков. Это даже отразилось в языке: например, остаться на бобах — потерпеть неудачу, ничего не получить. А в нидерландском есть выражение *honger maakt rauwe*

bonen zoet — «С голодухи и сырые бобы сладкие» (видимо, так кажется тому, кто по-русски *перебивается с хлеба на воду*). Следовательно, чтобы захотеть бобов, нужно действительно очень проголодаться.

Кто живет богато — ест мясо, получая из него необходимый белок. Но если дела идут плохо, люди возвращаются к старым добрым бобам, надежным и скромным. Например, после тяжелых голодных времен и резкого прироста населения в Европе периода раннего Средневековья именно неприхотливый садовый боб, распространившийся при Карле Великом, обусловил Каролингское возрождение (см. главу 4). Более того — без бобовых не возникло бы и само земледелие (около 8000 г. до н.э.), поскольку содержащийся в них жизненно необходимый белок хорошо дополнял углеводы зерновых культур. А еще они обогащали почву, сохраняя ее плодородной (об этом — в главе 1).

Вот так у меня и зародилась идея исследования про историю и бобовые. Главы изначально выходили в виде отдельных рассказов в газете *Vrij Nederland*. Для книги я слегка их переработал и обновил статистику. И добавил еще один боб — кофейное зерно. А так как садовый боб выходит на сцену дважды, то получается, что бобов акkurat дюжина. Погодите возмущаться, сейчас уточню: конечно, кофейные зерна вовсе не бобы (впрочем, и не зерна

тоже), равно как и какао-бобы. Вернее, формально это не бобовые культуры. Но так уж повелось, что люди называют их бобами. И те и другие сыграли важную роль в истории: какао-бобы неразрывно связаны с работоторговлей (глава 7), а кофейные зерна — с Французской революцией (глава 9). Так что в книге о бобах им самое место.

Но что такое, собственно говоря, бобы? Так называются семена многих растений из семейства бобовых, или мотыльковых (*Fabaceae*, если на латыни). К ним относятся все бобовые культуры: горох, садовые бобы, чечевица, нут. А еще — фасоль луновидная, черная фасоль, фасоль пинто, белая фасоль, флажоле, коричневая фасоль. Кстати, все эти разновидности фасоли — один и тот же вид бобовых: фасоль обыкновенная (см. главу 6). Сюда же входят зеленая стручковая фасоль и плоская зеленая фасоль, или фасоль романо, — просто мы едим их еще зелеными, вместе со стручком. А если стручок раскрыть, там обнаружатся незрелые фасолинки. То же самое касается двух видов гороха: снежного и сахарного.

И еще одно мини-предупреждение. Эта книга все же больше об истории, чем о бобах. Мировая история *через призму* бобов. Но не стоит слишком буквально воспринимать слова «мировая история»: это, конечно же, комическое преувеличение. Хотя бы потому, что написать полную

историю мира — почти невыполнимая задача. Не говоря уже о том, чтобы уместить ее в историю бобов. Я как камешек, пущенный по воде: скачу по поверхности истории, останавливаясь там, где мне интересно. И все же мы с вами охватим без малого десять тысяч лет истории — от глубокой древности до наших дней — и затронем все ключевые эпохи. Западная история представлена, признаюсь честно, несоразмерно широко — я учился на историческом факультете университета Амстердама и лучше в ней разбираюсь. Однако мы с вами побываем хотя бы по разу на каждом континенте (кроме Антарктиды).

Я уже забыл, о чем шла речь, но хорошо помню, где и когда это было. Мы отправились на выходные во Фрисландию, стоял солнечный день, и моя жена внезапно спросила: «А что, если связать разные исторические периоды с разными видами бобовых?» (Мы гостили у дяди, который любит искусство и древнюю историю, так что разговор, без сомнения, начался с какой-нибудь смешной байки про бобы и древних греков или римлян.) Мне тут же пришли на ум четыре или пять очевидных сюжетов. Так забавная идея очень быстро превратилась в увлекательный мысленный эксперимент.

Еще во время учебы я обратил внимание, что самые захватывающие исторические

повествования — те, в которых небольшая яркая деталь связывается с глобальным историческим процессом. А лучшие преподаватели — именно те, кто умеет видеть эту связь. Соединить малое с великим — вот что было моей задачей, и я довел эту идею до крайности: в этой книге мне удалось связать величие человеческой истории с таким, на первый взгляд, пустяком, как бобы.

Я получил невероятное удовольствие, разгадывая эту головоломку из бобов и исторических периодов, придумывая главы, проводя исследования, стряхивая пыль со старых учебников, узнавая новое, читая и сочиняя. История увлекает меня уже давно, а вот бобы во всем их многообразии я теперь прямо-таки полюбил — благодаря этой книге. Надеюсь, вы проглотите эти истории с таким же удовольствием.

*Йозл Брукарт
Амстердам, 2023*



Горошек и неолитическая революция

Горошек и неолитическая революция

Однажды мне пришлось жить совершенно не по средствам: я поселился в квартире на цокольном этаже в дорогом районе в центре Амстердама, рядом с зоопарком Артис. У меня даже был собственный садик за домом. Это было в рамках специальной программы: я присматривал за жильем, чтобы его не захватили сквоттеры. Дом был в довольно запущенном состоянии, сад зарос. Где не лежала плитка, все было покрыто плющом и крапивой. Среди этих зарослей высились толстые зеленые стебли с лиловыми цветочками — недотрога железистая. Возможно, вам тоже не раз попадалось на глаза это инвазивное экзотическое растение, обильно произрастающее вдоль канав и в кюветах по всей Западной Европе.

Во время своей первой вылазки в сад я с ужасом обнаружил, что этот иноземный садовый

захватчик распространяет семена самостоятельно. Это не одуванчик, полагающийся на помощь ветра. И не клубника, которая ждет, пока ее сочные вкусные плоды съедят голодные животные (или люди) и затем выделяют семена естественным путем. Нет, недотрога полагается в деле размножения только на свои собственные силы. Семена сидят в маленьком зеленом плоде, похожем по форме на торпеду. Созрев, плод при малейшем движении раскрывается и буквально выстреливает семенами в воздух — отсюда и латинское наименование недотроги: *Impatiens glandulifera* (*Impatiens* означает «нетерпеливая», а *glandulifera* — «несущая железы»). Конечно, с помощью этого неожиданного взрыва семян я охотно разыгрывал наивных гостей — отправлял их в сад под предлогом, что им непременно нужно понюхать эти зеленые коробочки. Ну а сам втайне надеялся, что они случайно коснутся носом спелого плода, который вот-вот лопнет.

А потом я где-то прочитал, что эти семена можно есть, и приступил к сбору «урожая». Если их обжарить, они приобретают легкий ореховый вкус, и, как пишут в блогах о сборе дикоросов, их можно добавлять в салаты или в тесто для оладий. Любопытный факт, конечно, но бесполезный для выживания в дикой природе. Дело в том, что эти коробочки никогда не созревают

одновременно: они то еще слишком твердые, то уже раскрылись. А если вам попалась спелая коробочка, то нужно еще добиться, чтобы семена не разлетелись во все стороны (лучше всего поднести к плоду ведерко или полиэтиленовый пакет). Разочек собрать горсть семян забавно, но рассчитывать, что недотрога тебя прокормит, не стоит. И нужно быть совсем уж не в себе, чтобы решить ее выращивать ради семян.

К чему я веду? Первобытные дикорастущие горох и чечевица тоже распространяли семена механическим путем. Как, впрочем, и все остальные бобовые. Не очень-то приятное свойство, если каждый день нужно кормить семью (или целую деревню). И все же именно горох и чечевица оказались одними из первых растений, окультуренных человеком. Произошло это около 8000 г. до н.э. (или чуть раньше) в районе Плодородного полумесяца — территории вокруг дельты Нила и междуречья Евфрата и Тигра. Именно там первобытный человек отказался от кочевого образа жизни охотника-собирателя и перешел на оседлое земледелие: так свершилась неолитическая революция.

Но что же, ради всего святого, побудило людей выращивать — помимо пшеницы и ячменя — еще и этот, казалось бы, непутевый горох? Дело в том, что в природе то и дело возникают спонтанные

генетические мутации. Вместе с естественным отбором они и служат движущей силой эволюции. Иногда вырастал горох, у которого отсутствовал ген, отвечающий за выстреливание семян. Созревшие семена такого растения послушно оставались в стручке.

В естественной среде такое растение не смогло бы размножиться — ведь семена не попадали в землю. Но этот «слабоумный» горох оказался гораздо удобнее для людей, которые его собирали, чем здоровые растения. Люди приносили горошины домой, употребляли в пищу, высаживали. Так они и закрепили эту генетическую мутацию, и постепенно появился культурный вид гороха, потерявший способность разбрасывать семена.

Самое большое преимущество гороха (и других бобовых) заключается в том, что это самоопыляющееся обоеполое растение. Что это значит? У его цветков есть и мужские, и женские органы, поэтому растение может само себя опылить. Таким образом, оно способно размножаться бесконечно — партнер ему не нужен. Благодаря этому генофонд остается стабильным, и можно с легкостью сохранить удобное «отклонение».

Неолитическая революция разворачивалась независимо в разных точках мира. Но всякий раз сельское хозяйство начиналось именно с сочетания зерновых и бобовых культур. Они прекрасно

друг друга дополняют: быстрорастущие зерновые культуры богаты углеводами, а в бобовых много белка. Вместе они создают основу здорового и сбалансированного рациона. В районе Плодородного полумесяца выращивали пшеницу и ячмень наряду с горохом и чечевицей, в Центральной Америке — кукурузу и разные виды бобовых, в Африке — сорго и африканское просо вместе с коровьим горохом и арахисом, в Китае — просо, рис и сою. Однако бобовые и зерновые дополняют друг друга и еще кое в чем. На корнях бобовых культур обитают бактерии, которые извлекают из воздуха азот и задерживают его в почве. Получается, что они естественным образом удобряют землю. Кроме того, стручки и стебли растений можно использовать как корм для скота: животные, в свою очередь, производят больше навоза, а навоз — прекрасное удобрение. Значит, будет еще больше урожая. Больше урожая — избыток продовольствия.

А еще бобы и зерно прекрасно поддаются сушке и долгому хранению. Сушеные бобы почти неуничтожимы, к тому же в условиях голода или нехватки продовольствия они становятся прекрасным источником белка — то есть лучшим заменителем мяса. Благодаря бобовым удавалось прокормить растущее население.

Что появилось раньше — яйцо или курица? Точно так же до сих пор неясно: переход к сельскому

хозяйству привел к росту населения или же, наоборот, рост населения вынудил людей заняться земледелием? Мы знаем только одно: этот процесс был самоподдерживающимся, как цепная реакция. В кочевых племенах матери приходилось носить ребенка на спине или плечах не меньше четырех лет — пока тот не подрастет настолько, чтобы идти наравне со взрослыми. В таких условиях ей было бы не под силу вырастить и второго ребенка.

В традиционных кочевых сообществах женщины обычно не беременели, пока предыдущему ребенку не исполнится хотя бы четыре года. А помогал им в этом биологический процесс под названием «лактационная аменорея»: ребенок постоянно сосет грудь, и это подавляет у матери выработку гормона, который отвечает за овуляцию. Вероятно, первобытные люди прибегали и к другим способам регулирования рождаемости — воздержанию и абортам, а в худшем случае убивали малышей, чтобы те не задерживали племя.

В племенах, ведущих оседлый образ жизни, у матерей таких забот уже не было. Им не требовалось никого на себе таскать, а грудное вскармливание можно было чередовать с прикормом кашей. Теоретически они могли завести столько детей, сколько могли прокормить. Земледелие обеспечивало более калорийную

пищу — и население могло расти. А растущему населению требовалось все больше и больше пропитания.

Впрочем, неолитическая революция не во всех смыслах была шагом вперед: среднестатистический земледелец на протяжении большей части истории вел более трудную и монотонную жизнь и питался более скудно и однообразно, чем собиратель — его предок или современник. Есть даже теория, что на деле не человек приручил злаки, а злаки приручили человека. И действительно: много ли в мире видов растений и животных, распространившихся так же, как пшеница, кукуруза и рис?

Как бы то ни было, мы в это ввязались, и теперь нам никуда не деться. А началось все с того самого малютки гороха, который оказался очень гибким в смысле адаптации и теперь стал самым распространенным — с географической точки зрения — видом бобовых. Веками люди отбирали горох по размеру (сейчас горошины в 10 раз крупнее, чем были у дикорастущих предков современного гороха), тонкости оболочки горошин и сладости. Кстати, горох, о котором шла речь выше, — это тот самый желтый колотый горох, из которого делают гороховые супы и каши, то есть сушеная разновидность. А хрустящий, свежий и сладкий горох, именуемый ныне зеленым горошком, существует лишь с XVI или XVII века.

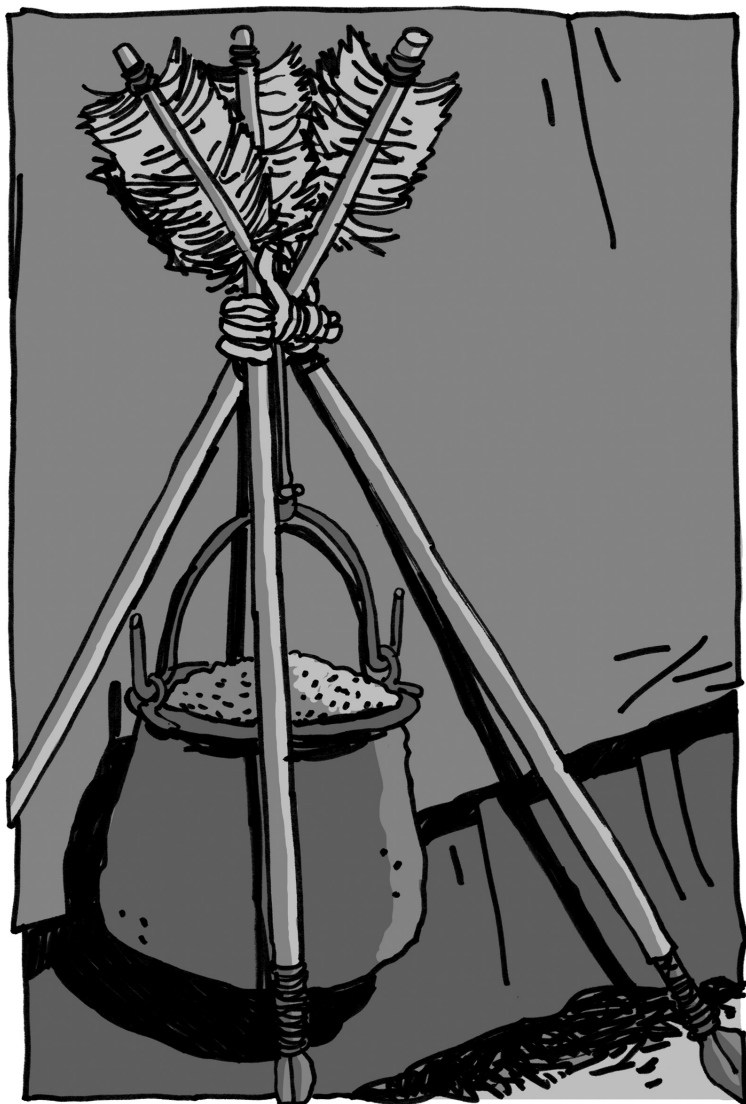
Это недоспелый горох, который собирают до того, как он засохнет. А сахарный и снежный горох — это еще более новые сорта: у них съедобен весь мягкий стручок целиком.

Трудно поверить, но именно скромному гороху выпала невероятно значимая роль в развитии человечества. Случайная генетическая мутация — то, что в природе обычно оказывается фатальным отклонением, — запустила одну из важнейших революций в истории человечества: развитие земледелия.

Почти десять тысяч лет спустя, в XIX веке, в саду у одного августинского монаха в Силезии росло две разновидности гороха — с пурпурными цветками и с белыми. Он решил их скрестить. И что же? У всего потомства оказались пурпурные цветки. Монах повторял эксперимент тысячи раз: чаще всего появлялись пурпурные цветки, но иногда — и белые. Он сделал вывод, что существуют определенные факторы, отвечающие, например, за окраску цветков, за форму стручка или его цвет. Причем эти факторы передаются по наследству и всегда существуют в парном виде: одна часть передается от одного растения-родителя, вторая — от другого.

Монаха звали Грегор Иоганн Мендель. Наследственные факторы, которые он выявил, теперь называются генами. Его исследование и законы наследия легли в основу современной генетики.

Благодаря трудам Менделя с окультуренным горохом мы теперь понимаем, как это странное растение, в дикорастущем виде без предупреждения стреляющее семенами во все стороны, превратилось в одну из важнейших сельскохозяйственных культур.



Чечевица и Ветхий Завет

Чечевица и Ветхий Завет

Нелегкая доля выпала праотцу Исааку. Именно он впервые в истории на восьмой день жизни подвергся обрезанию, то есть лишился крайней плоти: так его папа Авраам условился с Богом. Но и этого оказалось мало. Бог решил, что Авраам должен принести сына в жертву целиком — ну, чтобы доказать свою преданность Всевышнему. Итак, все готово, Исаак уже на алтаре... Но в последний момент Бог посылает ангела, чтобы тот предотвратил жертвоприношение, — и Авраам заменил мальчика на барана. Такой вот сумасброд-Создатель, вечно подкидывает сюрпризы. Исаак остался в живых, но, должно быть, получил хорошую психотравму.

Когда Исааку стукнуло сорок, Авраам наконец соизволил отправить раба на поиски жены для сына. Жену нашли, сыграли свадьбу — и тут

выяснилось, что жена бесплодна. Исаак принялся молиться Богу. И что же? Молитва была услышана, и в 60 лет Ревекка все-таки понесла. И что бы вы думали? У нее родилась двойня! Бедняга муж. В таком-то возрасте... Тут еще филистимляне начали трепать нервы*, а вдобавок Исаак полностью ослеп и, что вполне объяснимо, впал в уныние.

Так что трудно винить Исаака за то, что в почтенные 130 лет он так легко попался на уловку собственного младшего сына Иакова. Тот воспользовался слепотой отца и, обмотав руки и шею козьей шкурой, прикинулся своим братом Исавом (который, по всей видимости, был чрезвычайно волосат). Все это было частью хитроумного плана — как лишить старшего брата наследства. Иакову оставалось только получить отцовское благословение, потому что до этого Исав — вот же дурачок — уже променял свое право первородства на тарелку чечевичной похлебки. Кушать очень хотелось, знаете ли...

* Речь о конфликте за колодцы в земле Герар (Быт. 26:13–22): филистимляне завидовали процветанию Исаака и засыпали землей все колодцы, выкопанные еще его отцом Авраамом. Исааку пришлось восстанавливать источники воды, а местные пастухи постоянно оспаривали его права на них. Эта история, помимо прочего, отражает типичные конфликты того времени за водные ресурсы между оседлыми земледельцами и кочевниками. — *Прим. перев.*

А вот как это описано в Книге Бытия (25:27–34, кому любопытно): «Дети выросли, и стал Исав человеком искусным в звероловстве, человеком полей; а Иаков человеком кротким, живущим в шатрах. Исаак любил Исава, потому что дичь его была по вкусу его... И сварил Иаков кушанье; а Исав пришел с поля усталый. И сказал Исав Иакову: дай мне поесть красного, красного этого, ибо я устал... Но Иаков сказал: продай мне теперь же свое первородство. Исав сказал: вот, я умираю, что мне в этом первородстве?» И продал первородство брату. «И дал Иаков Исаву хлеба и кушанья из чечевицы».

Эта красная чечевица, приготовленная Иаковым, играет ключевую роль в исторической трактовке этого повествования. Строго говоря, она символизирует переход от образа жизни охотников-собирателей к культуре земледелия. Исав — это «человек полей», типичный охотник. Иаков — «человек кроткий», живет в шатрах, как первые пастухи-земледельцы. Общество как раз переживает этот переход: отец Исаак все еще питает слабость к дичи. Но охота уже доказала свою ненадежность как способ добычи пропитания: вот и Исав возвращается голодным и с пустыми руками. Теперь сама его жизнь зависит от урожая, выращенного земледельцем Иаковым, который с этого момента и занимает главенствующее положение.

И вовсе не случайно именно чечевица стала в этой истории символом развития земледелия. Около десяти тысяч лет назад в Плодородном полумесяце она, наряду с горохом и пшеницей, оказалась в числе первых «прирученных» культур. На Ближнем Востоке чечевица всегда занимала особое место в рационе. Древнейший из известных рецептов бобовых мы находим в аккадском тексте 1600 г. до н.э., где описывается блюдо из чечевицы: нечто вроде каши из молотых зерен, сваренной на пиве, в котором вымачивалась ароматическая древесина. Подается с мясом.

Земледелие и рост населения шли рука об руку и как бы подпитывали друг друга. Аграрные сообщества постепенно превратились в города-государства, а те — в целые царства. Людям приходилось жить все теснее, человеческие группы росли. Вот только мы к такому не слишком-то приспособлены. Охотники-собиратели жили небольшими племенами с довольно простой иерархией, построенной на личном знакомстве, взаимном доверии... и, конечно, сплетнях как социальном механизме контроля. Когда группа становится настолько обширной, что люди перестают знать друг друга лично, такая система перестает работать. Человек способен поддерживать прочные связи примерно со ста пятьюдесятью людьми — племена редко разрастались сильнее. И, кстати, в современном обществе действует тот же самый принцип.

Когда численность группы превышает этот предел, людям требуются общие мифы — чтобы закрепить социальную иерархию и заставить незнакомцев как-то сотрудничать друг с другом. Возьмем хотя бы миф под названием «национальное государство»: два нидерландца, которые в жизни друг друга не видели, вместе празднуют День Короля — и все потому, что оба свято верят в свою «нидерландскость». Или вот еще пример — Всеобщая декларация прав человека: мы с тобой не знакомы, но раз уж оба верим в одни и те же ценности — айда вместе на демонстрацию!

На протяжении большей части истории роль такого объединяющего мифа с превеликим рвением исполняла церковь. Совершенно чужие друг другу люди вместе строили лечебницы и отправлялись в крестовые походы только потому, что верили: когда-то давно одного лидера маргинальной иудейской секты распяли на кресте во искупление их грехов.

Религия, кстати, еще и отлично компенсировала то чувство общности, которое безвозвратно исчезло вместе с племенным строем. Общества, основанные на этих воображаемых (а значит, довольно хрупких) социальных порядках и иерархиях, становились все больше и сложнее. И тут религия оказалась как нельзя кстати — ведь она придавала легитимность этим порядкам, опираясь

на общеобязательные нормы и ценности, якобы данные свыше.

Наиболее эффективными оказались монотеистические религии, провозглашавшие универсальный божественный порядок, единый для всех времен и народов, — такие как христианство, ислам или буддизм с их неугасимым стремлением к прозелитизму*. На протяжении большей части истории именно религия обеспечивала структуру, порядок и то самое чувство общности. Она выступала великим гармонизатором и, как следствие, стала необходимым условием для развития сложных цивилизаций.

Но вернемся к красной чечевице Иакова. Согласно библейской хронологии, эта история имела место где-то в XIX веке до н.э. Сама эта часть Ветхого Завета была впервые записана лишь в VI веке до н.э., хотя устная традиция, несомненно, существовала задолго до этого. Спустя тысячелетие эта история подарила израильтянам прекрасный объединяющий миф: все они — потомки двенадцати сыновей Иакова. А заодно и моральное обоснование того, что оседлый земледельческий образ жизни — штука надежная и правильная.

* Прозелитизм (от греч. *προσέλυτος* «обращенный; нашедший свое место») — стремление обратить других в свою веру.

В истории с чечевицей кроется еще одна историческая истина: бобовые — отличная замена мяса благодаря высокому содержанию белка, но едят их разве что если совсем уж прижмет. Бобы — пища бедняков. Если ты богат, то можешь позволить себе мясо. Так было всегда. Язык, кстати, об этом помнит — взять хотя бы нидерландские поговорки «боб в пивоваренном чане» (то есть нечто незначительное), «добавить боб в горшок» (сказать что-то неважное) или «есть бобы на воде» (довольствоваться скромной трапезой).

Люди всегда и везде предпочитали мясо бобам. Вернее, везде, кроме Индии: там никогда не считалось, что бобы для нищих. И тут опять замешана религия. В индуизме и буддизме все живые существа равны, поскольку происходят из единого источника. Поэтому убивать живое — плохо. Как следствие, индуистские и буддистские общества преимущественно вегетарианские. А если ты не ешь мяса, потребление бобовых действительно становится вопросом жизни и смерти. Недаром индийцы говорят: «Рис — это бог, но чечевица — моя жизнь».

А остальное человечество как было плотоядным, так и остается. По крайней мере пока. В наше время мы потребляем невиданное прежде количество мяса — в США и Австралии, например, до центнера в год на человека. И мы расплачиваемся за это сполна: загрязнением окружающей

среды, уничтожением бесценных тропических лесов, глобальным потеплением... А дальше — повышение уровня мирового океана, лесные пожары, засухи. Того и гляди люди доведут себя до рукотворного апокалипсиса — исключительно из-за собственной прожорливости.

Возможно, пришло время по-новому взглянуть на главу 25 Книги Бытия, стихи 27–34. Давайте вспомним, чем кончилось дело для любителя дичи Исаака и его бестолкового сына-охотника Исава. И возьмем пример с кроткого домоседа Иакова, любителя чечевичной похлебки. Именно за ним осталось будущее. Аминь.

